

АНТРОПОЛОГИЯ НОМАДИЗМА

(Антропологические тренды
и северный культурный код)

© 2014

С.А. Смирнов

Ситуация человека

Экспертное сообщество в разных вариациях фиксирует проблемную ситуацию, которая складывается вокруг главного субъекта изменений в мире — самого человека, его собственной идентичности. Проблемность ситуации в следующем.

Традиционные базовые представления о человеке уходят в прошлое. На смену им приходят конструкты, утверждающие как новые социальные формы его идентичности, так и стандарты его физической, телесной конституции, гендерной маркировки. Привычный образ человека скоро придется записывать в Красную книгу и создавать музей Человека.

Антропологические тренды¹ радикальных изменений человека убабляются при активном участии его самого. Наблюдаются все учащающиеся практики трансгрессии, трансформации, трансфигурации человека, суицидальные пограничные практики экспериментирования над собой, агрессивные практики, связанные с уничтожением среды. В общем и целом тренд на самоуход человека и самоликвидацию привычных институтов существования, которые держат человека (семья, брак, мораль, право, образование, культура и др.), становится ярко выраженным. Эти тренды можно назвать классом транс-трендов, направленных на уход человека с исторической сцены и замену его другим существом (киборгом, мутантом, транс-или постчеловеком)².

Ситуация усугубляется тем, что мировое экспертное сообщество пока не выработало согласованного видения того, что с этими изменениями можно и нужно делать, как их можно адекватно описать. Экспертное сообщество испытывает двойной дефицит — не выстроен новый антропологический дискурс, адекватный ситуации, а институциональное единство просто отсутствует.

ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Смирнов Сергей Алевтинович — доктор философских наук, проректор по инновациям и науке Новосибирского государственного университета экономики. Постоянный автор журнала. E-mail: Smirnoff@yandex.ru

¹ Журнал не раз обращался к этой теме. См., напр.: Кутырев В.А. Человек XXI века: уходящая натура. 2001. № 1.
² См.: Смирнов С.А. и др. Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. Форсайт-проект. Новосибирск, 2013.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Жизненный аутсорсинг и сидячая мобильность

В чем проявляется тренд ухода человека? Начинается все с безобидных вещей.

Например, появляются новые профессии и виды занятости. Такие, например, как event-менеджер, блогер, лайф-коуч, выгульщик собак, муж на час, подружка невесты. Но что это означает? За этим стоят новые привычки, новый образ жизни — меняется социальная среда.

Мы все больше вещей, услуг, работ передаем другим за плату. Мы не только заказываем пиццу на дом. Мы заказываем приготовление ужинов, стирку белья, выгул животных, воспитание детей, ремонт квартиры, машины и проч. Мы высвобождаем себя от внешних работ и забот, освобождаем от обязанностей, от домашних дел по самообслуживанию. Мы освобождаемся от заботы вообще, чтобы самим высвободиться... Для чего? Мы высвобождаем себя от этих забот в пользу чего? Ночной жизни? Клубов, ресторанов? Водки, бани, игровых клубов? Или в пользу библиотеки, книги, работы?

Что в результате происходит? В результате высвобождения от работ и забот мы постепенно утрачиваем свои базовые навыки, способности. Мы давно сами не считаем. Передоверяем калькулятору, компьютеру, мобильнику. Сами не пишем, а набиваем текст на клавиатуре. Не выводим на чистом листе бумаги буквы, как делали это раньше. Нам это буквально физически все труднее делать. Чистый лист бумаги и ручка уходят в прошлое. Чтобы что-то написать, приходится себя заставлять. Моторика письма, ключевая практика и органика, становятся уходящей натурой. Мы не рисуем форму мысли — в итоге не мыслим.

Мы утрачиваем простые, но радикально важные способности — у нас не формируются важные человеческие навыки. Например, мы утрачиваем навыки устного счета. А многие люди не умеют сами гладить, стирать, делать элементарные работы по дому.

Мы не помним номера телефонов, не пишем их в записные книжки, не записываем их на листочках, не прикрепляем их над телефоном дома. Доверяем эту память мобильникам. Это тот же аутсорсинг.

Жизненный аутсорсинг становится массовым. Мы не только доверяем машине быстро и много запоминать, быстро считать, проделывать операции. Мы доверяем машине жить за нас. Отдаем машине самих себя, поскольку, переставая делать простые вещи сами, переставая писать, считать, запоминать, перестаем быть самими собой.

Осуществляя жизненный аутсорсинг, отдавая простые, но базовые заботы о себе, мы, замещая их удовольствиями, теряем собственное авторство, собственную точку зрения, собственное мнение, чтобы делать выбор, высказываться. Доверяем разным брендам, рекламам, пиарам. Не можем окончательно

решить, хороши или плохи эти ботинки или этот пиджак. Мы перестаем доверять себе.

Все более частым явлением становится работа в мобильных офисах. Даже голубые воротнички исчезли. Класс, идущий на завод, давно исчез. Остается офисный планктон, переплывающий из одного места в другое, живущий непонятно где, не прикрепленный к месту. Даже офисы свои как постоянные места работы компании уже не заводят. Можно работать в любом месте, имея мобильник и ноутбук и возможность подключения к сети.

Можно жить в деревне, иметь связь с работодателем через Интернет, выполняя работы через Интернет. Жить и работать, находясь физически в деревне, а вся работа уходит в виртуальное пространство. Стирается грань между городом и деревней. Формируется этакая виртуальная мировая деревня.

Наши фразы, высказывания становятся короче. Мы становимся похожими на Эллочку-людоедку. Короткое чтение и короткие тексты. Текст эсэмэсок, электронных писем. Читать и писать некогда. Снижается навык работы со сложной информацией и сложными, длинными текстами. Само слово “эсэмэска” — удивительное явление. Лингвисты отмечают этот новый феномен в языке — образование слова из аббревиатуры, состоящей из английских букв, да еще с чисто русским ласковым окончанием “-ка”.

Появилась снэк-культура. Мы едим быстро, мобильно, еда в упаковках. На ходу едим, пьем, решаем вопросы, общаемся, занимаемся сексом, между делом рожаем и воспитываем детей. Да и рожать перестаем. Заводим пары без семьи. Бой-френды и подруги. Безопасный секс.

Фастфуды бурно растут. Суррогаты национальных кухонь появляются как грибы после дождя. Заказываем еду на дом. Растет число кулинарных шоу на ТВ. Опять готовка быстро, по рецепту, по рекламе (фирм и продуктов).

Значит, человек испытывает не просто желание иметь. А иметь быстро, легко, не затрачивая усилий. Без заботы. Прямой, агрессивный, хитрый, адресный маркетинг.

Делаем одновременно несколько дел. Едем в машине, слушаем радио, едим и даже занимаемся сексом. Дотошные американцы провели исследование — кто чем занимается во время вождения машины. Выяснилось, что за рулем люди бреются, едят, делают себе мейк-ап, занимаются сексом, переодеваются, читают...

Аутсорсинг

ЧЕЛОВЕКОЗНА- НИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Продолжается бурный рост социальных сетей. Все срочно кинулись общаться “ВКонтакте”. Или в “Одноклассниках”. Или в Face-book. Самое действенное воздействие — через социальную сеть. Знакомства, встречи, что-то надо объявить, узнать. Учитывая это, компании заряжают рекламу в Интернете, в социальных сетях.

Например, вузы все чаще делают рекламу в социальных сетях. Поскольку молодые не читают газет, не слушают радио, даже не смотрят ТВ для молодых — это уже вчерашний день.

Дети не играют во дворе в казаки-разбойники. Мало общаются на переменах в школе. Больше общаются в Интернете, играют в стрелялки. Быстро отучаются от игры в песочнице. Наблюдается такое явление: школьники отсиживают весь день в школе, на переменах почти не общаются. После уроков приходят домой и срочно начинают общаться друг с другом — но в виртуальных сетях.

Увеличение социальных сетей ведет, с одной стороны, к увеличению поверхностных контактов, сиюминутных связей, быстрых встреч. Их нельзя назвать и встречами-расставаниями. Мы просто контактируем. Как молекулы.

Вместе с тем при такой массовизации растет корпускуляризация, атомизация жизни. Не усиление личностных начал, а усиление индивидуальности, отдельности, изолированности. Виртуальные сети позволяют мне прятаться за никами, за псевдонимами. За обилием масок. Я могу как бы присутствовать в сети, но анонимно, как тень, мелькая и меняя свои ники, постоянно ускользая.

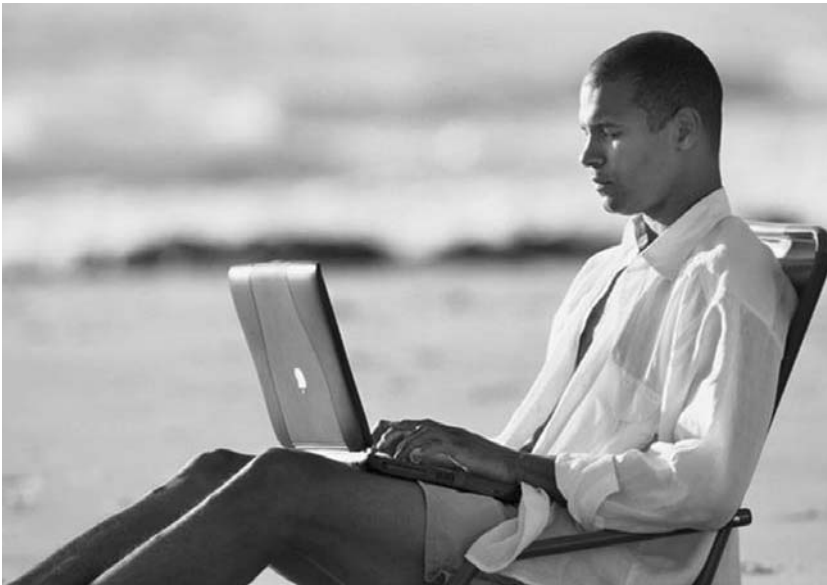
Формируется этакий Homo mobilis, человек сидячий, но с мобильником, ноутбуком, живущий в сети, отдающий все больше забот о себе другим — техническим устройствам, наемникам, сервисам.

Новые антропологические и социокультурные гибриды

Формируются также новые гибридные формы уклада жизни людей, особенно причудливы они в сельской местности, среди северных кочевых народностей.

Например, кочевник-бедуин с мобильником и выходом в Интернет и спутниковой связью, едущий на верблюде. Или наш пастух-оленовод с Ямала, с рацией и мобильником, с нартами, запряженными в снегоход. Или пастух-овцевод в Австралии, с помощью спутниковой связи следящий за отарами овец.

Не надо далеко ходить. Возьмем нашу деревню. Достаточно выехать из города. С одной стороны, у скотника привычное домашнее хозяйство, в котором надо орудовать вилами и вывозить навоз, а с другой — автоматизированное поточное доение на ферме, в котором замеры молока, его жирности производят-

С. Смирнов
 Антропология
 номадизма

Homo mobilis

ся по компьютеру. Или доярка. Она приходит домой после этой технологии — и управляется дома со скотом по старинке. А сын дома сидит, играет в компьютерные игры. И может даже участвовать на расстоянии в чемпионате по киберспорту³.

У нас сохранились простые привычки, связанные с сугубо патриархальным образом жизни, обитанием на селе, однако человек из села садится в машину и едет в город. Через час он там.

У сельской интеллигенции еще более кричащие контрасты. Сельский специалист, получив образование в городе, живет и работает в деревне (зачастую он живет, ночует в городе, а работает на селе). С одной стороны, он занят аграрным трудом, с другой — на выходные едет в город в кино, театр, в супермаркет.

Антропологическая альтернатива

В этой ситуации различные экспертные группы ставят перед собой вопрос: разрушителен ли этот процесс аутсорсинга и гибридизации и до какой степени? Где та граница, предел этих радикальных изменений, после которой привычный феномен исчезает? До какой степени человек будет все свои идентичности отдавать на сторону? И если этот аутсорсинг беспределен и человек все более трансформируется радикально и онтологически, то что это — естественный процесс мутации человечества и его исчезновение нормально, как является нормальным естественный процесс смены биологических видов или?.. Влекут ли за собой изменения человека, коль скоро они неизбежны, уничтожение человеком себя и среды, в которой он обитает, или эти изменения можно повернуть в позитивное, конструктивное, созидательное русло?

³ Это явление тоже скоро станет трендом. В мире и в разных странах есть свои федерации по компьютерному спорту. В России федерация существует уже 11 лет. Проводятся постоянные чемпионаты мира. Проводятся разные игры, индивидуальные и игры нового поколения, командные, соревноваться одному менее интересно, чем команде. Средний возраст игроков — 19 лет. Хотя начинают играть фактически с 14 лет, есть молодые люди 25–26 лет. Эта игрушка требует хорошей реакции, но, к сожалению, организм, начиная с 24 лет, стареет, скорость реакции заметно падает (антропологический признак: возраст, реакция, внимание). В 24 года ты старый <http://www.infox.ru/hi-tech/games/2011/06/14/cybersport.phtml>

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Или необходимо все же вырабатывать некую антропологическую альтернативу этому уходу? Альтернативу, которая противостоит уходу и предполагает следующее:

- Иной противоположный тренд изменения человека, направленного не на самоуничтожение, а на преобразование человека;
- Формирование нового образа будущего человека, который (образ) рукотворен и создается им самим;
- Новую антропологию, новое понимание человека взамен уходящих конструктов и концептов прошлых эпох, которые (концепты) и привели к суицидальному состоянию современного человека;
- Производство, возделывание и тиражирование новых антропопрактик, с помощью которых формируется этот преобразующийся человек; эти антропопрактики должны быть массовым явлением и задавать широкий тренд, способный противостоять трансренду ухода.

Проблема в том, что тренд ухода запускается не от того, что внедряется новое техническое изобретение. Человека вытесняют не мобильник и Интернет. Не сам по себе Интернет виртуализирует наше общение. Не сам по себе компьютер виноват в том, что мы уходим в виртуал и теряем социальную реальность. Человек сам себя вычеркивает из списка жизни, ставя подпись: “В списках не значится”.

Проблема рождается там и тогда, когда человек, задолго до встречи с новым изобретением, сам давно не осуществляет работу над собой, над отношением к себе и среде обитания. Получив мобильник, человек хочет сразу получить все блага жизни, не затрачивая усилий на создание этих благ. Не выстраивается схема заботы о себе и собственной среде обитания, а сохраняется простая схема потребления (протянуть руку и взять без усилий)⁴.

Мобильники, ноутбуки, Интернет надо превращать из средства порабащивающего в средство освобождающее. Но это возможно лишь при смене нашей онтологической идентичности. При культурном росте. Эмпирический индивид, привыкший потреблять, не умеет использовать Интернет для собственного освобождения, поскольку культурных орудий у него для этого нет.

Феномен киборга родился не вчера. Он рожден по схеме прикрепления к телу человека искусственного изделия. Так делалось всегда, когда инвалиду отсутствующий орган заменяли костылем или протезом (искусственным инструментом). Но при усилении натуральных способностей с помощью электронных протезов мы получаем киборгов, которые превращаются в киллеров. Мало усиливать натуральное зрение с помощью электронного протеза. Нужно формировать духовное зрение. Что ты будешь делать с этим объемным зрением, дорогой киборг?

⁴ О концепте заботы, традиции, идущей от древнегреческой пайдеи и эпимелейи см.: Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / Отв. ред. С.С. Хоружий. М., 2010; Смирнов С.А. О смысле онтологической заботы/работы (комментарии на полях “Герменевтики субъекта” М. Фуко) // Там же. См. также: Смирнов С.А. Введение в антропозитику. Опыт неклассического антропологического дискурса // Человек. 2013. № 6.

С. Смирнов
Антропология
номадизма

Данте. Киборг

Или наоборот. Чтобы усилить естественные способности (глаза, руки) человек изобретал искусственное орудие, продлевающее его руку или глаз, усиливал себя искусственным глазом или рукой. Тогда появляются микроскопы и телескопы. Кончилось дело окончательным слиянием человека и компьютера и сформировался интерфейс человек-машина. Феномен киборга родился именно из естественной потребности усилить свое тело, из феномена органопроекции, о которой много писал о. П.А. Флоренский⁵.

Необходимо обсуждать и формировать *новую антропологическую альтернативу*. При усилении виртуализации жизни, при смене привычных форм идентичности человека (смена гендера, достижения геной инженерии — первые цветочки) необходимо выстраивать и внедрять такие *способы обитания*, которые выстроены по схеме заботы человека о самом себе, о среде обитания. Эта проблема актуальна при любых технологиях и при любых режимах власти.

Поэтому более кардинальным и актуальным становится проблема управления антропологическими трендами. Мы понимаем управление трендами именно в категориях собственно управления, под которым имеем в виду целый ряд деятельностей.

Это *диагностика трендов, их мониторинг, аналитика* и главное — *инициация антропологической альтернативы*, выработка в новых условиях таких антропопрактик, которые бы формиро-

⁵ См.: Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Символ. 1992. № 28.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

вали у человека иное видение и понимание, иной способ собственно антропологического самоопределения, возвращающего человека к самому себе.

Иначе говоря, управлять трендами можно, прежде всего путем запуска новых трендов, противоположных тем, которые убивают человека и ставят его на грань исчезновения. И здесь заканчивается собственно научно-исследовательский дискурс и начинается дискурс сугубо антропологический и проектный, формулирующий новый антропологический тип.

В этой связи мы полагаем, что антропологическая альтернатива должна быть сформирована не из достижений технической цивилизации, не из стремления сканировать мозг или разгадать тайны генома человека. Новый антропотип лежит рядом, по горизонтали, только севернее тех широт, к которым мы обычно привыкли — в укладе северных народов.

Антропологическую альтернативу надо формировать антропологическими же средствами. К сожалению, внутри западной технической цивилизации она не проглядывается, поскольку ее прототипы представлены лишь эпизодически, как островки новых (старых) антропопрактик преобразования человека (типа духовных упражнений Игнатия Лойолы) или педагогики развития в советской, российской школе.

Антропологическая альтернатива, точнее ее основания для образа будущего, видимо, спрятаны далеко, в стороне от западной, тяготеющей к югу цивилизации. Там, где непривычно ее видеть, там, куда умозрение западных интеллектуалов не обращено.

Северный чулан

Посмотрим вокруг себя и глубже в историю. С чем связано становление типа *Homo mobilis* и возможны ли иные антропотипы? Какие примеры показывают нам иные цивилизации, расположенные на Севере Евразии?

Исторически получилось, что при формировании доминирующих цивилизаций сложился крен в сторону Западных, Южных и Восточных цивилизационных и антропологических типов. Северные типы оказывались всякий раз на периферии, на задворках. Север всегда оставался окраиной для западных и южных сообществ и способов обитания. Понятно, это было связано со стереотипом, что все силы придется тратить на выживание, на борьбу с холодом, мерзлотой, пространством, дикой (обязательно чужой) природой, степью, тундрой, тайгой и проч.

Человек западной технической цивилизации исторически выбирал места, где теплее, выбирал комфорт, уют, более мягкую адаптацию, доступность ресурсов. Ориентация на Запад и Юг формирует вполне определенный антропологический тип: южный, теплый, мягкий, потребительский, комфортный,

оседлый. Север формирует иной тип: жесткий, холодный, дискомфортный, кочевой. То есть номадический.

Если взять Россию, то она — северная страна. Это известно. Но исторически российская элита постоянно выбирала ориентацию на Запад, на Юг или на Восток, борясь за жизненное пространство. Образцы она брала на Западе. А за пространство воевала также с Югом и Востоком. Север же оставался у нее в тылу, на задворках, в которых можно было иногда покопаться, поискать что-нибудь нужное, редкое и ценное. Но северный чулан не был точкой отсчета для ориентации и самоопределения российских элит. Он всегда был местом холодным, темным, спрятанным от западных и южных глаз, в нем хранились драгоценности. Их до поры до времени хранили. Благо, эти богатства были несметны. Потом при необходимости их доставали, обменивали на дары, получаемые от Запада.

Именно в связи с тем, что теплый, южный антропотип доминирует в современной цивилизации, начинает доминировать и указанный выше антропотренд ухода человека в целом. Человек-южанин не справляется с техникой, которую сам же породил в погоне за комфортом и уютом. Он все более отдает свои функции, отдает самого себя внешним техническим устройствам (см. выше об аутсорсинге).

Запад-Юг выбирает комфорт, уют, технические блага и достижения. Западная цивилизация югоцентрична. Средиземноморская теплая колыбель Западной цивилизации не порождает желания смотреть на холодный и чужой север⁶.

Номадизм как антропологический тип

Известно, что северная цивилизация формируется иным антропотипом, который можно назвать номадическим, типом кочевника. Этот номадический историко-антропологический и социокультурный тип формирует собой и иную, северную цивилизацию, Северную Евразию.

Концепт “северная цивилизация” в последнее время становится все более популярным. Но, как правило, он используется в сугубо политических и идеологических целях⁷. За рамками остается антропологический дискурс и проблема антропологических трендов. К этой тематике обращаются тогда, когда надо завоевать место под солнцем и показать, что, например, Санкт-Петербург, северная Пальмира, может претендовать на статус мирового города⁸.

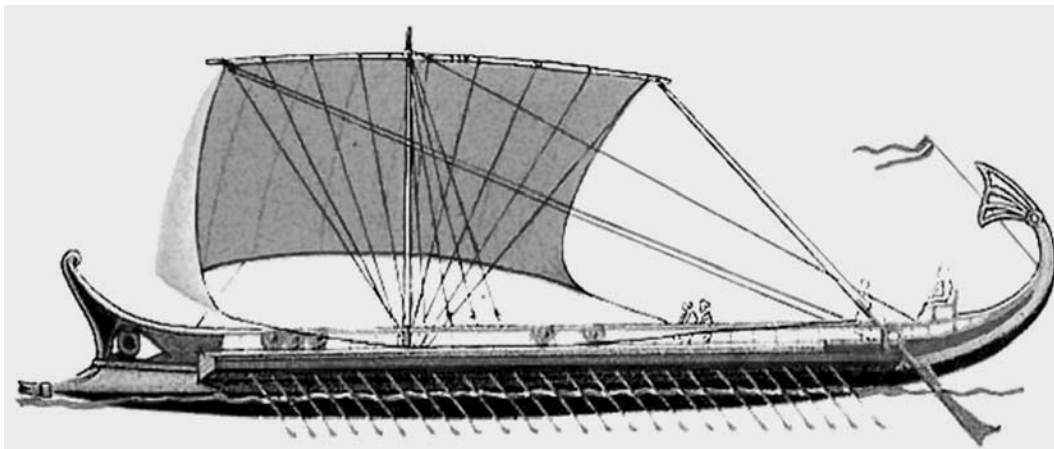
Мы же пока ограничимся тем, что попытаемся понять номада-кочевника как иной, отличный от западного, южного и восточного, антропологический тип. И это понимание попробуем использовать при ответе на вопрос о поиске антропологической альтернативы.

Спросим себя — чему может научить современного западно-южно-ориентированного человека оленевод с Ямала? Или

⁶ Как показал М.К. Петров, в основании европейской цивилизационной модели был положен новый древнегреческий социокультурный код. (См.: Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995). Именно пираты и торговцы, плавающие на своих пентеконтерах (50-весельный корабль) по Средиземноморью во времена крито-микенской цивилизации, были первыми представителями новой эпохи и носителями нового социокультурного кода. Новое палубное управленческое мышление (фигура кормчего, кибернета) отрабатывалось на корабле. Купцы и пираты были сильнее и эффективнее сухопутных жрецов, держателей старой храмовой традиции. В итоге пираты потом сошли на берег и основали города-колонии, ставшие каркасом древнегреческой цивилизации. А в основании было движение на пентеконтере. Тем самым пентеконтера, выражаясь на языке форта, стала дикой картой, джокером, которая разрушила старый социокод и стала тренажером по выработке нового.

⁷ Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Идея северной цивилизации: онтологизация дискурса // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут. 2004. № 2.

⁸ Переслегин С.Б. “Северная цивилизация”: Санкт-Петербург на геополитической карте мира. URL: http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_NordCiv.htm

Пентеконтера

этот оленевод — тоже уходящая натура? И для умирающих северных народностей и языков надо городить музей, в нем “заморозить” останки номадов, их культуры и позволять себе помянуть о них в формате плохого музея: лежат, хранятся, к ним водят экскурсии, руками при этом не трогать. Гробовая тишина. Говорить можно только шепотом. Вечная мерзлота.

В то же время кочевничество как исторически выработанный антропологический и социокультурный тип как раз формирует иной модус северной цивилизации, которая характеризуется не только холодом и пространствами, но и устойчивостью относительно климата и природных катаклизмов.

Движение, телесная физическая мобильность как способ жизни, передвижение в пространстве вместе с очагом, своим домом, выработали у кочевников адаптивность и приспособляемость к изменениям. С этой точки зрения именно “антропология движения”⁹ как способ жизнедеятельности лежит в основании северной цивилизации, становится ключевым признаком при поиске и формировании антропологической альтернативы, противостоящей тренду ухода западно-южного человека.

Кочевники Северной Евразии, потомки которых живут сейчас в Сибири и на Севере России, могут продемонстрировать иной цивилизационный уклад, помогающий понять, что нам сегодня делать в ситуации радикальных трансформаций доминирующего до сих пор западного технического антропоти́па.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари, яркие представители западно-южного типа, при построении машины войны, вырабатывая свою номадологию, выбрали все же именно номадический антропотип, как тип более стойкий и выносливый¹⁰. Они фиксируют, что кочевник не просто движется. Он удерживает пространство, распределяется в пространстве. Оно всегда — его пространство. Кочевник обитает в пространстве, в котором отсутствует фиксированная граница. Точнее, кочевник живет внутри этой

⁹ Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

¹⁰ Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010.

границы. А. Тойнби отмечал: “Они бросились в степь не для того, чтобы преодолеть ее границы, а чтобы укрепиться в ней и чувствовать себя там как дома”¹¹.

Кочевник *живет внутри границы* и передвигается вместе с ней. Кочевник сочетает в себе динамику (передвижение и пребывание в пространстве) и статику (сидит на коне). Он не просто осваивает пространство, он сливается с ним.

Ведь южный антропотип выбрал аутсорсинг именно потому, что *оседлость тела сочетается у него с технической мобильностью цивилизации*. Последняя дает ему возможность как бы перемещаться в пространстве, сидя в кресле автомобиля, в офисе, самолете.

А номад-кочевник *движется вместе с домом*, с процессами, массаами, природными катаклизмами. Куда идет природа, туда движется и номад. Он не отчужден от техники. Он сохраняет все дополнительные технические достижения и включает их в свой дом. Он сосредотачивает их в своем чуме, передвигаясь вместе с домом. Современный оленевод имеет мобильник и смотрит американский боевик по ТВ в чуме вечером после перегона.

Итак, жизнь в пространстве и передвижение вместе с ним формирует иной северный уклад, иную ментальность, особый номадический антропотип и социокультурный код. При этом надо понимать, что код формируется не просто потому, что кочевником движет стремление к выживанию, погоня за убегающей пищей. Поиск пищи, движение за стадом, охота, поиск новых пастбищ, поиск ягеля вслед за своими оленями у оленеводов Ямала формируют лишь первый уровень мотивации кочевника.

С. Смирнов
Антропология
номадизма

¹¹ Цит. По: Делёз Ж.,
Гваттари Ф. Тысяча
плато. С. 641.
Прим. 45.

Традиционный чум

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Далее формируется в целом новый *номадический габитус*¹², структура повседневности, сеть каждодневных антропопрактик, оседающих на человеке и формирующих его антропотип. Этот габитус и заключается в главном: жизнь в пространстве и передвижение внутри постоянно меняющейся, сдвигающейся границы. Не жизнь внутри пограничного города, на форпосте (в крепости-остроге) — что было характерно для служилого пограничного (фронтирного) сословия — казачества.

Казаки — не кочевники. Они — охранители ставшей границы. Они живут на границе, но не передвигаются вместе с ней, а охраняют доверенную им границу от степи. Кочевник же, перемещаясь в пространстве, перемещается со своим домом-границей. Кочевник становится сам номадом, то есть носителем закона, обычая¹³. Номад несет на себе свой обычай, закон, свое местопребывание. Тем самым номад, принимая весь мир как свое пространство, перемещает свой номос туда, куда перемещается он, не фиксируя жесткой границы, а пребывая в ней самой.

У кочевника нет города, полиса, страны с локальной границей и властью в ней. И соответственно нет границы, которая бы его огораживала от Иного Мира. Тем самым нет жесткой фиксации “свой — чужой”, “мы — они”. Весь мир — его пространство обитания-передвижения. Потому что он движется по миру вместе с этим миром.

Восприятие кочевника как чужой, степной разрушительной силы — это изжившая себя идеологема. Вулкан тоже разрушитель, как и наводнение, цунами, землетрясение. Но кто может сказать, что вулкан — злой агрессор? Он — воплощение живой стихии. Номад — тот, кто свыкся с ней, живет внутри этой стихии и меняется вместе с ней.

Эта старая аберрация сознания (отождествление степи, тундры и злой силы) могла произойти в голове именно западного человека, европейца, который и воспринимает степь и тундру как чужую слепую силу, а кочевников степи считает воплощением этой силы. Южные, теплые, оседлые сообщества естественно воспринимали северных кочевников как захватчиков. Однако это не более чем идеологическая приставка задним числом. Впрочем, этот миф давно развенчан еще Л.Н. Гумилевым и др.

Российское самоопределение и северный социокультурный код

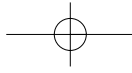
А.В. Головнев отмечает, что на юге Евразии исторически преобладали оседлые цивилизации¹⁴. На Севере долгое время развивались “культуры больших пространств и высокой мобильности. В древности вся северная Евразия была кочующей, населяющие ее народы никогда не были в полной мере оседлыми и различались лишь стилем и размахом миграций”¹⁵.

¹² Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.

¹³ Номос (др.-греч.) — закон, обычай, пастбище, местопребывание.

¹⁴ Головнев А.В. Цит. соч. С. 32.

¹⁵ Там же.

Концепт “пути” становился ядром жизни и способа существования. Путь становился основой становления государственности. Так жили и хунну, и монголы, так жили и варяги, ходившие с севера до Царь-града. Этот код оседал в языке, в котором путь, дом, государство имеют один культурный этимон.

Головнев подчеркивает, что, несмотря на то, что Россия является северной, она исторически, как сказано выше, не осуществляла самоопределение на основе своей северной идентичности. “Образ Севера как кладовой архаических традиций и природных ресурсов имел мало общего с политическими исканиями России на Западе, Востоке и Юге”¹⁶. В то же время именно в северном социокультурном коде лежит корень новой антропологической идентичности человека в целом. Одновременно в северной цивилизационной модели кроется и собственная идентичность России.

“Если Россия не активизирует своего северного потенциала, ей на оси Север-Юг достанется место громоздкой периферии с хроническими техно-экологическими и этнокультурными кризисами”. Исторически сложилось, что в этом поиске новой альтернативы для человечества именно Россия призвана вырабатывать и быть инициатором новых северных проектов и нового антропотипа человека.

Поэтому задачей российского экспертного сообщества становится выработка продуманных проектных предложений по формированию антропологической альтернативы, противостоящей западно-южному тренду ухода человека, построенной, с одной стороны, на мощной социокультурной традиции северной цивилизации, с другой — на богатом историческом опыте выживания и развития в постоянном евразийском пограничье.

НОВЫЕ КНИГИ

Ошо. Вселенная внутри нас: Как сохранить себя в современном мире / Пер. с англ. СПб.: Весь, 2012. 400 с.

Первушин В.А. Практика управления инновационными проектами: Учеб. пособие. М.: Изд. дом “Дело” РАНХиГС, 2012. 208 с.

Перегудов С., Терентьев А. Великая Тэтчер. “Железная Леди”. М.: Яуза, Эксмо, 2012. 384 с.

Петряков А.М. Власть без предела. Калигула и Нерон. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 512 с.

Платонова Н.М., Платонов М.Ю. Инновация в социальной работе: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., стереотип. М.: Академия, 2012. 256 с.

Разумный В.А. Подвижники духа. 2-е изд., испр., доп. Воронеж: МО-ДЭК, 2012. 552 с.: ил.

Райс Т.Т. Скифы: Строители степных пирамид / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2012. 223 с.

С. Смирнов
Антропология
номадизма

¹⁶ Там же. С. 33–34.

 с. 33

